

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Митрофанова Екатерина Сергеевна

*Социодемографические аспекты перехода во взрослую жизнь
россиян 1930-1986 г.р.*

РЕЗЮМЕ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук НИУ ВШЭ

Научный руководитель:
кандидат экономических наук
Сергей Владимирович Захаров

Москва – 2019

Постановка проблемы

Столетиями человеческие общества находились под постоянными рисками угроз выживанию, поэтому главным фокусом взрослых членов общества было обеспечение средств к существованию и воспроизводство населения. Так как средняя продолжительность жизни составляла всего 30-40 лет, то было необходимо максимально эффективно использовать располагаемый бюджет времени среднего человека, и, соответственно, начинать участвовать в трудовой деятельности и в воспроизводстве потомства как можно раньше. На сложную и длительную подготовку к взрослой жизни времени просто не было (в демографическом понимании), поэтому неслучайно в большинстве традиционных обществ существовали четко регламентированные, в том числе в возрастном отношении, обряды инициации. Эти ритуалы перехода к статусу взрослого были формальными, обязательными и достижимыми практически всеми членами общества. Они играли важную роль, так как публично и явно обозначали момент, с которого индивиды переходили из группы детей или подростков в группу взрослых и снижали напряжение и неопределенность, связанные со взрослением. В условиях, когда «прошлое родителей становилось будущим детей» [Мид, 1988], раннее, формальное, регламентированное и ускоренное взросление было эффективным и необходимым.

За последние полтора-два века жизнь общества и индивида претерпела серьезные трансформации как количественного, так и качественного свойства. Население развитых стран не только стало жить в два раза дольше (80 лет вместо 30-40), но и значительно более здоровой, наполненной удобствами и технологиями жизнью. В постиндустриальном обществе базовые витальные потребности у большинства индивидов удовлетворены, поэтому задача выживания, и связанная с ней целевая доминанта раннего и всеобщего деторождения уже не стоит так остро, как прежде [Инглхарт, 2018]. В результате фокус жителей развитых стран с выживания сместился на улучшение качества жизни, индивидуальное развитие и инвестиции в человеческий капитал.

Удвоение продолжительности жизни привело к «инфляции» возраста [Shoven, Goda, 2011] и позволило отодвинуть наступление ключевых событий в жизни человека. Ускоренное взросление перестало быть необходимым, а из-за многократного усложнения социально-экономического и политического устройства общества, появления профессий, требующих долгой подготовки, актуальной становится тенденция замедления и удлинения перехода во взрослую жизнь. Процесс подготовки индивида ко взрослой жизни стал таким сложным и многоаспектным, что в систему простых ритуалов и жестких схем он больше не вписывается. Мы не можем сказать, что взамен прежних норм и ритуалов

взросления современные общества уже выработали новые универсальные и разделяемые большинством индивидов практики. На данном этапе мы фиксируем размывание возрастных границ и критериев взросления, и замену внешней, более строгой регламентации процесса перехода к взрослой жизни на более вариативную, индивидуальную и рефлексивную.

Взросление как процесс, как специфический этап жизни – относительно новый для человечества феномен, который изучается *наукой* всего около ста лет. Интерес к взрослению проявляли и проявляют, опираясь на свои подходы, самые разные дисциплины: философия, психология, социология, демография, антропология, и другие науки, но пока единой концепции взросления и комплексной методологии анализа закономерностей этого процесса не предложено. Тем не менее, изучение взросления важно для разных дисциплин, т.к. это не только самостоятельный и мало изученный феномен, но и процесс, тесно взаимосвязанный с другими исследовательскими темами: например, с периодизацией этапов жизни, с определением возрастных границ и других критериев принадлежности к группе молодежи; с пониманием угроз и потенциала молодежных движений; с определением длины поколений и темпа их смены и т.д.

Для *индивида и общества* изучение взросления важно, т.к. на этом этапе жизни происходит наиболее высокая концентрация значимых событий, меняющих социальный статус индивида и устройство его жизни [Billari, Liefbroer, 2007; Ronald R. Rindfuss, 1991]. От того, какой поведенческий сценарий будет избран, в каком возрасте и с каких событий будут начаты траектории в разных сферах жизни, зависит дальнейшее формирование жизненного пути.

Для *государства* систематизированное изучение взросления необходимо, чтобы понимать, чем сегодня характеризуются взрослые люди, с какого возраста они становятся полноправными участниками общества, какие вызовы и проблемы они испытывают, а главное – чтобы иметь возможность прогнозировать дальнейшие изменения. В современных социально ориентированных государствах (welfare states) возрастная стратификация играет весомую роль, т.к. от нее зависит распределение общественных благ. От того, кого мы будем относить к категории детей и стариков, требующих заботы и поддержки, а кого – к категории взрослых, способных не только заботиться о себе, но и вносить вклад в экономику и развитие общества [Захаров, 2009, с. 348], зависит объем и направление межпоколенных трансфертов [Гладникова, 2009; Денисенко, 2007; Денисенко, Козлов, 2018; Sloan, Zhang, Wang, 2002], межпоколенный контракт в обществе и семьях [Миронова, 2014; Bengtson, Achenbaum, 1993; Cheal, 1983; Puur и др., 2011], размер государственных расходов на социальные нужды и прочее. То есть пока экономика

управляется взрослыми людьми, выстроить продуманную государственную политику без понимания того, кто такие взрослые и на каком возрастном отрезке жизни они локализируются, не представляется возможным.

Изучение *перехода во взрослую жизнь в России* особенно актуально, т.к. после распада СССР в нашей стране произошли серьезные изменения в политической, социальной и экономической сферах, отразившиеся на организации жизни индивидов [Рождественская, 2019]. Современная российская молодежь демонстрирует модернизацию моделей демографического и социоэкономического поведения [Архангельский, 2013; Блюм и др., 2010; Гимпельсон, Зудина, 2017; Захаров, 2009; Здравомыслова, Шурыгина И.И., 2001; Константиновский, 2008; Магун, Энговатов, 2006; Mills, 2004; Potârca, Mills, Lesnard, 2013], но эти формы поведения редко изучаются вместе, как компоненты одного процесса – взросления. Российских обследований, на базе которых можно анализировать переход во взрослую жизнь, крайне мало, тогда как в зарубежных странах лонгитюдные исследования с детальной анкетой для формализации биографий сегодня очень распространены. Также в отечественных исследованиях редко используется продвинутая методология, учитывающая новые статистические и математические разработки.

Данное исследование ставит целью восполнить существующий пробел в изучении количественных аспектов перехода во взрослую жизнь современными поколениями россиян, ведь без понимания закономерностей перехода во взрослую жизнь невозможно выстроить современную и эффективную политику на уровне государства и общества, ведь вся она базируется на деятельности *взрослых* людей.

Степень разработанности проблемы

Интерес к переходу во взрослую жизнь возник еще в античное время [Лишаев, 2015], но так как еще долго человечество не могло преодолеть планку средней продолжительности жизни на уровне 50 лет, то общество не могло позволить индивидам терять ценные годы их взрослой (трудо- и детоспособной) жизни, поэтому процесс перехода из детства в зрелость чаще всего вмещался в непродолжительный, четко регламентированный ритуал инициации [Ремшмидт, 1994]. С ростом продолжительности жизни и усложнением профессий на подготовку ко взрослой жизни стало уходить все больше времени, и взросление из события стало превращаться в процесс.

Осмысление взросления как особого этапа жизни началось в 18 веке, в *философии и литературе*. Концептуализация взросления и исследование его научными методами начались много позже – в психологии в начале 20-ого века и уже далее это направление развивалось социологами, демографами, антропологами, культурологами и т.д.

За более чем вековой интерес ко взрослому *психологами* разработано множество периодизаций этапов жизни и этапов взросления, большинство из которых уже потеряло свою актуальность к настоящему моменту вследствие роста продолжительности жизни и увеличения длительности разных ее этапов [Луков, 2012; Hendry, Kloep, 2012]. Современные междисциплинарные психологические теории учитывают влияние различных факторов на взросление индивида: биологических, психологических, социальных, исторических, культурных и других. Вместо термина «взросление» психологи часто используют следующие термины: юность, молодость, «зарождающаяся» взрослость (emerging adulthood) [Arnett, 2012]. Несмотря на то, что уже предложено много психологических теорий, объясняющих взросление, общепринятых теоретических подходов к объяснению этого феномена в психологии нет: наборы компонентов взрослости и возрастные границы взросления варьируют в зависимости от того, какие идеи исследователи кладут в их основу.

В *социологии* сначала возникает интерес к молодежи как социальной группе, и только после этого – ко взрослому как этапу жизни, на котором молодежь локализуется. Марксизм первым видит потенциал в молодежи как проводнике общественных изменений («история – есть смена поколений») [Маркс, Энгельс, Ленин, 1972]. В рамках классовой теории создается социология молодежи, изучаются рабочие подростки и молодые рабочие [Луков, 2012, с. 202], развивается исследование молодежных движений. Вне рамок классовой теории молодежь изучается Э. Дюркгеймом, Т. Парсонсом, Р. Мертоном, Н. Смелзером и др. После массовых студенческих волнений и социальных напряжений в развитых странах в 1960-х гг. исследования молодежи обретают особую актуальность. В 1970-х годах как отдельное направление начала развиваться социология возраста (М. Райли, П. Сорокин, Т. Парсонс, С. Айзенштадт, Б. Нойгартен) и теория поколений, в том числе демографическая (К. Мангейм, Н. Хоув, У. Штраус, Ю.А. Левада, Я.С. Улицкий, В.В. Никитенко, Б.В. Дубин, В.В. Семенова). На данный момент социологии взросления как отдельного направления в отечественной науке еще нет. В западной литературе встречается термин «sociology of adolescence», но под ним скорее понимается изучение молодежи нежели изучение специфического этапа жизни человека.

Интерес *демографов* к взрослому обусловлен важностью понимания изменений, происходящих со стартовыми демографическими событиями: первым партнерством, первым браком и первым деторождением. В отличие от психологов и социологов, демографы изучают только событийный, фактологический слой, оставляя за рамками анализа социопсихологические аспекты. Так же, как и в психологии и в социологии, в демографии нет отдельного направления, изучающего взросление, но есть демография

возраста и демография молодежи, которые, однако, недостаточно концептуализированы. В то же время нельзя не отметить, что количество эмпирических работ, посвященных взрослению, растет ежегодно, и интерес к данной тематике велик и за рубежом, и в России. Пионерами в изучении наступления стартовых демографических событий по отдельности и в комбинации в России являются: Л.Е. Дарский, И.П. Ильина, Р.И. Сифман, А.Г. Вишневыский, М.С. Тольц, А.Г. Волков, В.А. Борисов, А.А. Попов и др.

Сегодня большинство представителей разных научных школ и дисциплин сходятся во мнении, что взросление – это многоаспектный процесс, который нужно изучать в междисциплинарном поле. Успешным примером междисциплинарного подхода, объединившего теоретические и методологические наработки разных наук является *концепция жизненного пути (КЖП)*. КЖП является одной из самых известных и влиятельных парадигм в современных социальных науках [Alwin, 2012; Levy, 2005; Levy и др., 2005]. Она была предложена и развита психологами (Ш. Бюлер, Н.А. Рыбников, Л. Франк, Дж. Трамсторф, Х. Лэмм, Ж. Нюттен, Г. Томэ, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, А.А. Кроник, Е.И. Головаха, К.А. Абульханова-Славская, Н.А. Логинова) и методологически наполнена работами социологов, демографов и статистиков (Л. Кейн, Г. Элдер мл., Д. Холтч, К. Племоис, И.С. Кон, М.Х. Титма, Х.-П. Блоссфельд, И. Хьюинк, Ф. Биллари, А. Лифброер, М. Миллс, Е.Ю. Рождественская).

В работах, выполненных в рамках КЖП, отдельное место занимает изучение *взросления*. Для целей количественного изучения закономерностей перехода во взрослую жизнь (transition to adulthood) социологи и демографы операционализируют взросление через достижение стартовых событий жизненного пути. Обычно выделяются следующие события: завершение получения образования, первое трудоустройство, первое покидание родительского дома, первое партнерство, первый брак, рождение первого ребенка [Billari и др., 2005; Billari, Liefbroer, 2010; Buchmann, 1989; Liefbroer, 1999]. При помощи статистических и математических методов изучаются следующие компоненты наступления событий: структура, число, время, интенсивность и последовательность наступления событий. В течение трех последних десятилетий такой инструментальный подход к изучению взросления набирает большую популярность и применяется ведущими зарубежными и отечественными демографами и социологами, такими как: К. Майер, Ф. Биллари, А. Лифброер, М. Миллс, М. Бухман, Т. Сobotка, А. Блюм, С.В. Захаров и другие.

Примеров комплексного изучения всех перечисленных аспектов *взросления россиян* с использованием продвинутых методов и теоретических концепций нам найти не удалось. Взаимосвязанные события, маркирующие переход во взрослую жизнь, если и изучаются на российских данных, то, в основном по отдельности или на узких группах

переменных [Архангельский, 2013; Блюм и др., 2010; Гимпельсон, Зудина, 2017; Демографическая модернизация России, 1900-2000, 2006; Захаров, 2007; Константиновский, 2008; Радаев, 2019; Frejka, Zakharov, 2012; Mills, 2000; Mills, 2004; Potârca, Mills, Lesnard, 2013]. Единичные исследования, в которых изучались сразу несколько событий, маркирующих взросление, имеют ограничения. Например, в работе 2010 года [Блюм, Себий, Захаров, 2010] сравнивается взросление поколений россиян и французов, но не уделяется внимание гендерной, образовательной и другим важным видам дифференциаций. В другом исследовании [Захаров, 2009] учитывается гендерный аспект, однако изучено только взросление женщин, а взросление мужчин не рассмотрено. Еще в одной публикации, выполненной на тех же данных, что и предыдущая, рассмотрены оба пола и учтен кейс России, однако он подробно не разобран [Zsolt, Murinkó, Settersten Jr., 2014]. Данная диссертация продолжает эти работы и существенно расширяет глубину изучения взросления, опираясь на современные теоретические и методологические подходы к исследованию этого процесса.

Фокус исследования

Объект исследования – стартовые социодемографические события, маркирующие переход во взрослую жизнь, в биографиях россиян, родившихся между 1930 и 1986 годами. К таким событиям-маркерам мы относим: получение профессионального образования, первое трудоустройство, первое отделение от родителей, первое партнерство (незарегистрированные отношения с совместным проживанием), первый брак и рождение первого ребенка.

Предмет исследования – закономерности процесса перехода во взрослую жизнь поколений россиян 1930-1986 г.р.

Цель исследования – получить комплексное представление о переходе во взрослую жизнь поколений россиян с разными индивидуальными характеристиками.

Задачи исследования:

1. Операционализировать понятие перехода во взрослую жизнь на основе имеющихся исследований и дать авторское определение взрослению.
2. Разработать комплексный подход к изучению социодемографических аспектов перехода во взрослую жизнь и авторский способ визуализации взросления на демографической сетке Лексиса.
3. Изучить межпоколенческую динамику трансформации моделей взросления и влияние на этот процесс исторического контекста и индивидуальных характеристик людей.

4. Классифицировать модели взросления разных поколений россиян в контексте имеющихся объяснительных концепций.
5. Выявить специфические особенности организации процесса взросления молодых поколений россиян.

Личный вклад автора в разработку проблемы и научная новизна

На актуальном эмпирическом материале комплексно изучены шесть стартовых социодемографических событий, маркирующих переход во взрослую жизнь. Подобное исследование на российских данных еще не проводилось. Имеющиеся работы, посвященные анализу перехода во взрослую жизнь в России, либо не изучают взросление отдельных поколений [Zsolt, Murinkó, Settersten Jr., 2014], либо изучают, но без гендерной дифференциации [Блюм, Себий, Захаров, 2010], либо исследуют только взросление женщин [Захаров, 2009].

В данной диссертации наступление шести стартовых социодемографических событий изучено в разрезе четырех индивидуальных характеристик респондентов: пола, поколения, уровня образования и типа населенного пункта. Полученные результаты были дискутированы в контексте того исторического времени и тех мер политики, которые сопутствовали взрослению каждого конкретного поколения.

Проведенный анализ вносит вклад как в теоретическое осмысление перехода во взрослую жизнь, уточняя имеющиеся дефиниции этого этапа жизни, так и методологический вклад, предлагая комплексный подход к анализу наступления стартовых событий. Полученные автором результаты могут быть учтены при разработке социально-демографической политики и для решения конкретных практических задач в разных секторах экономики и сферах общественной жизни, где необходимо знание о границах перехода во взрослую жизнь и других особенностях протекания этого процесса.

Теоретические основания исследования

Предпосылками для изучения взаимовлияния среды и индивида друг на друга являются работы, описывающие закономерности *хабитуализации социальных практик* и формирования общественных норм [Berger, Luckmann, 1966; Kiernan, 2002; Sobotka, Toulemon, 2008]. Теоретическими рамками изучения особенностей перехода во взрослую жизнь являются концепция жизненного пути (КЖП), теория демографического перехода (ТДП) и несколько объяснительных концепций перехода во взрослую жизнь, созданных на их пересечении.

Положения *КЖП* гласят, что современные биографии перестали быть «стандартными», институционализированными, одинаковыми для всех и начали становиться деинституционализированными или «настраиваемыми» (choice biography) [Giddens, 1994; Heinz, Marshall, 2003; Huinink, 2013].

ТДП предполагает, что если одна страна может повторить успех социального и экономического развития другой страны, то демографическая модернизация, пройденная какой-либо страной, также может быть повторена другими странами. ТДП предполагает, что существует несколько стадий демографической модернизации. На первом этапе изменяются количественные показатели основных демографических процессов (баланс высокой смертности и высокой рождаемости сменяется балансом низкой смертности и низкой рождаемости), а на втором этапе демографического перехода происходят изменения в организации семейной жизни и разделение сексуального, репродуктивного и матримониального поведений [Kaa van de, 1987; Lesthaeghe, 1995].

Демографическая модернизация происходит в разных странах с разной скоростью и начинается в разное время. Среди европейских стран признаки демографической модернизации сначала появились в странах западной Европы, а затем – восточной Европы [Frejka, Zakharov, 2012; Ruur и др., 2012b; Ruur и др., 2012a]. Основные признаки второго демографического перехода – это: откладывание браков и деторождений; рост популярности партнерств и снижение популярности браков; снижение числа рожденных детей и повышение числа детей рожденных вне зарегистрированного брака [Демографическая модернизация России, 1900-2000, 2006; Lesthaeghe, Neels, 2002; Zakharov, 2008].

В современных исследованиях встречается два противоположных подхода к интерпретации изменений, происходящих с переходом во взрослую жизнь: одни исследователи полагают, что между странами происходит конвергенция (то есть сближение паттернов взросления), другие – что происходит дивергенция, то есть нарастание различий между странами.

В подтверждение предположения о *дивергенции* моделей взросления и отдельных поведений, маркирующих переход во взрослую жизнь, выступает исследование Хайнала, описывающее и объясняющее исторические различия в западно- и восточноевропейской брачности [Hajnal, 1965], а также более современные работы: классификация моделей взросления в европейских странах [L'allongement de la jeunesse, 1993]; кластеризация европейских стран в зависимости от типов семейной политики [Ejrnas, Voje, 2008]; классификация режимов социальной политики в европейских странах [Esping-Andersen, 1990; Esping-Andersen, 2007]; взаимосвязь особенностей перехода во взрослую жизнь с

ограничениями и возможностями, формируемыми режимами социальной политики, функционированием рынка труда и семейным укладом [Vogel, 2002]. Основным выводом этих исследований заключается в следующем: наиболее быструю трансформацию моделей взросления демонстрируют западные и северные страны Европы с более либеральными социальными нормами в отношении организации семейной жизни и гендерно более сбалансированной семейной и социальной политикой государства, а восточные и южные страны Европы с более фамилистской, гендерно-асимметричной государственной политикой демонстрируют сохранение прежних, более традиционных норм и моделей поведения.

Объяснительные концепции, предполагающие *конвергенцию* моделей взросления, не отвергают культурно-национальных и региональных различий, но утверждают, что со временем эти различия ослабевают, и происходит общее движение в направлении модернизации демографического и социоэкономического поведения. В поддержку идеи о конвергенции выступает исследование Ф. Биллари и А. Лифброера [Billari, Liefbroer, 2010]. Ученые изучили изменение следующих характеристик наступления стартовых событий в европейских странах: времени (timing), интенсивности или скорости (tempo) и последовательности (sequence). «Традиционную» модель взросления они описали как *«раннюю, ускоренную и простую»* (события наступали рано, с маленькими интервалами и в едином почти для всех порядке), а современную – как *«позднюю, растянутую и сложную»*. Результаты этого исследования согласуются с предположениями теории второго демографического перехода и показывают, что возраст наступления стартовых событий в современных обществах «стареет», в особенности для демографических событий. За счет того, что возраст обретения социоэкономических событий меняется меньше, переход во взрослую жизнь начинается примерно в том же возрасте, что и раньше, а заканчивается позже – то есть переход во взрослую жизнь растягивается во времени. Последовательность наступления событий становится все более, мозаичной, индивидуализированной и менее предсказуемой.

Также идею о конвергенции поддерживают исследования формирования семьи во Франции, Румынии и России [Potârca, Mills, Lesnard, 2013], в Канаде, Нидерландах и России [Mills, 2004], взросления в Беларуси [Лапето, Терещенко, Шавердо, 2018], а также обзор работ по взрослению европейцев [Buchmann, Kriesi, 2011] и другие публикации. Изучение особенностей взросления девушек в разных странах Европы [Захаров, 2009] показало наличие различий не только в тайминге и последовательности наступления стартовых событий, но и в том, какие события жители разных стран считают индикаторами взрослости. В восточноевропейских странах, а также в Португалии,

Франции и на Кипре с обретением девушкой статуса взрослой в большей мере связано создание семьи и материнство (которое достаточно часто сочетается с полной занятостью). В западно- и североевропейских странах, по мнению респондентов, для взросления важно трудоустройство и покидание родительского дома. С.В. Захаров соглашается с тем, что происходит конвергенция моделей взросления как результат «общего для развитых стран переходного процесса к некоему «новому» расписанию человеческой жизни». Но он также подтверждает сохранение региональной дифференциации моделей взросления, обусловленной историко-культурными особенностями разных стран.

А. Пуур и соавторы в своем исследовании [Puur и др., 2012b; Puur и др., 2012a] нашли подтверждение как *стадиальности* изменений в брачно-партнерском поведении (предположения ТДП о конвергенции), так и наличия *региональной дифференциации* (предположения о дивергенции): в странах восточной Европы переход к новой модели брака начался на несколько десятилетий позже, чем в западной Европе, причем сначала (через 15-20 лет) переход осуществили Восточная Германия и Эстония, а затем (через 20-25 лет) – Болгария, Венгрия, Литва, Россия и Румыния. Но изучив связь между современным брачно-партнерским поведением европейцев и историческими режимами брачности, авторы пришли к выводу, что развитие некоторых стран (например, Литвы и Болгарии) не вписывается в предложенную Хайналом концепцию. То есть процесс модернизации демографического поведения, действительно, проходит определенные стадии, но культурно-исторические нормы, действующие в разных странах, могут оказывать существенное влияние на содержание и скорость протекания модернизационного процесса.

Обобщая выводы перечисленных подходов, можно сказать, что на сегодняшний день региональные различия в переходе во взрослую жизнь сохраняются, но признаки демографического перехода и сближения моделей взросления прослеживаются во всех европейских странах и, в том числе, в России [Архангельский, 2013; Долбик-Воробей, 2003; Захаров, 2007; Чернова, 2012; Шабунова, Калачикова, 2015].

В данной работе мы исследуем особенности взросления россиян, то есть сравниваем не разные страны, а население одной страны в разные исторические периоды, поэтому к нашим задачам предположения о конвергенции и дивергенции применимы в следующем ключе: мы изучаем, изменяются ли модели взросления современной молодежи в соответствии с треками, задаваемыми западноевропейскими странами (идея конвергенции) или сохраняются модели взросления, унаследованные от советских поколений (идея дивергенции, сохранения региональных различий). Пользуясь

представленными объяснительными концепциями, мы предполагаем, что, в целом, переход во взрослую жизнь молодых поколений модернизируется, но в зависимости от индивидуальных характеристик респондентов (пол, уровень образования, тип населенного пункта проживания) разница между советскими и современными поколениями будет ослабевать или усиливаться.

В соответствии с предположениями КЖП, ТДП и разных объяснительных концепций, мы выдвинули следующие *гипотезы*:

1. У поколений, начавших переход во взрослую жизнь после распада СССР, наблюдается дивергенция моделей взросления с предыдущими российскими поколениями и конвергенция с образцами, демонстрируемыми странами, находящимися на более продвинутых этапах развития семьи, диверсификации форм брачно-партнерских отношений, трансформации модели деторождения, объединяемых понятием «второго демографического перехода».
2. В моделях взросления всех поколениях россиян наблюдается гендерная дифференциация, особенно сильно проявляющаяся в наступлении демографических событий: женщины раньше, чем мужчины, вступают в браки и рожают первых детей; наличие ребенка у женщины снижает ее шансы на трудоустройство и получение образования.
3. Модели взросления россиян различаются в зависимости от того, какой уровень образования получил индивид и в каком населенном пункте он проживает. Городской уклад жизни и высокий уровень образования выравнивает гендерное неравенство в наступлении событий. У городских жителей взросление происходит позже, но шансы на обретение социальноэкономических событий выше, чем в сельской местности.

Эмпирическая база исследования и методы анализа

Основной базой данных исследования является российская часть международной программы сравнительных выборочных исследований Европейской экономической комиссии ООН «Поколения и гендер» (Generations and Gender) – репрезентативное для России обследование «*Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*» (РиДМиЖ), проведенное в 2004, 2007 и 2011 годах по унифицированному с другими странами вопроснику. База данных этого обследования является наиболее актуальным источником микроданных о социодемографических событиях в биографиях россиян. Дизайн РиДМиЖ изначально был разработан для использования самых продвинутых

статистических методов и анализа изменений в трудовой, образовательной, репродуктивной, брачно-партнерской и семейной биографиях.

Для анализа наступления событий современными статистико-математическими методами автором была подготовлена гармонизированная база данных респондентов, участвовавших во всех трех волнах российской части обследования – так называемая **панельная выборка**. Объем этой выборки составил **5451** респондента, рожденных между **1930 и 1986** годами. Все биографии взяты по состоянию на **2011** год.

Помимо обозначенной базы данных в ходе проведения диссертационного исследования автором также были подготовлены и проанализированы результаты двух других репрезентативных для России исследований: «Европейского социального исследования» 2006 года (международная программа регулярных опросов населения, в которой участвует 38 стран) и обследования «Человек, семья, общество» 2013 года (проведено Институтом социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации). Сравнение результатов показало устойчивость и консистентность выводов, полученных на данных РидМиЖ. Результаты этой работы в диссертацию не включены, но опубликованы в статьях и представлены на конференциях.

Хронологические рамки работы обусловлены имеющимся эмпирическим материалом. Так как в исследовании, на котором проведен анализ, имеются полные биографии только для респондентов 1930-86 годов рождения, а само обследование проведено в последний раз в 2011 году, то рассматриваемый нами исторический период охватывает промежуток с 1930 по 2011 гг.

В работе были применены следующие *методы*, предлагаемые статистикой, социологией, демографией и концепцией жизненного пути:

1. Для анализа структуры, квантума, тайминга и последовательности наступления событий были использованы методы дескриптивной статистики: анализ частот, таблицы сопряженности, меры средней тенденции (средние и медианы). Для оценки значимости выявленных различий был использован критерий хи-квадрат для фактов наступления событий, дисперсионный анализ – для возрастов наступления событий и критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок – для проверки различий в медианных возрастах.
2. Для анализа интенсивности наступления событий был использован анализ наступления событий (АНС, Event history analysis) и один из предлагаемых им методов – регрессия Кокса [Кокс, Оукс, 1988; Ниворожкина, 2015].

3. Авторский способ визуализации процесса взросления с использованием демографической сетки Лексиса [Пресса, 1966].

Основные результаты исследования

Ключевые результаты проведенного нами анализа обобщены на *демографической сетке Лексиса* (Рисунок 1). Эта сетка используется для наглядного отображения совокупностей демографических событий, происходящих в жизни поколений. Ее особенность состоит в оперировании сразу тремя временными координатами: календарным годом (ось X), возрастом людей в каждый момент времени (ось Y) и годами их рождения, образующими поколения (диагональ). Пиктограммы, изображенные на сетке Лексиса, обозначают медианные возрасты наступления стартовых событий. Ось календарного времени дает нам представление о том, в каком историческом контексте взрослело каждое поколение.

Для мужчин (синие цвета) и женщин (красные цвета) каждого поколения обозначено по два «коридора», отображающих возрастные границы, в рамках которых происходит взросление. При построении «коридоров» учитывались все стартовые события кроме партнерства, т.к. оно не входило в перечень нормативных событий в советское время.

Границы тех «коридоров», что *заполнены цветом*, были посчитаны как разница между самым ранне наступающим и самым поздне наступающим стартовым событием. Почти для всех поколений первым событием оказалось трудоустройство, а последним – деторождение, но это очень усредненная информация, ведь в индивидуальных биографиях пусть часто, но далеко не всегда взросление начинается именно с трудоустройства и заканчивается именно деторождением. У кого-то этих событий может вообще не быть.

Для того, чтобы получить более объективную картину, мы в рамках каждой индивидуальной биографии сначала выстроили все события по хронологии, а затем зафиксировали, какое именно событие и когда у конкретного респондента произошло первым, а какое событие и в каком возрасте наступило последним. На основе этой информации были посчитаны медианные возрасты самого первого и самого последнего события у каждого поколения и были построены пунктирные «коридоры».

Разница между границами «коридоров» двух типов отражает разницу двух подходов к изучению взросления: анализ стартовых событий по отдельности или как частей единого процесса взросления.

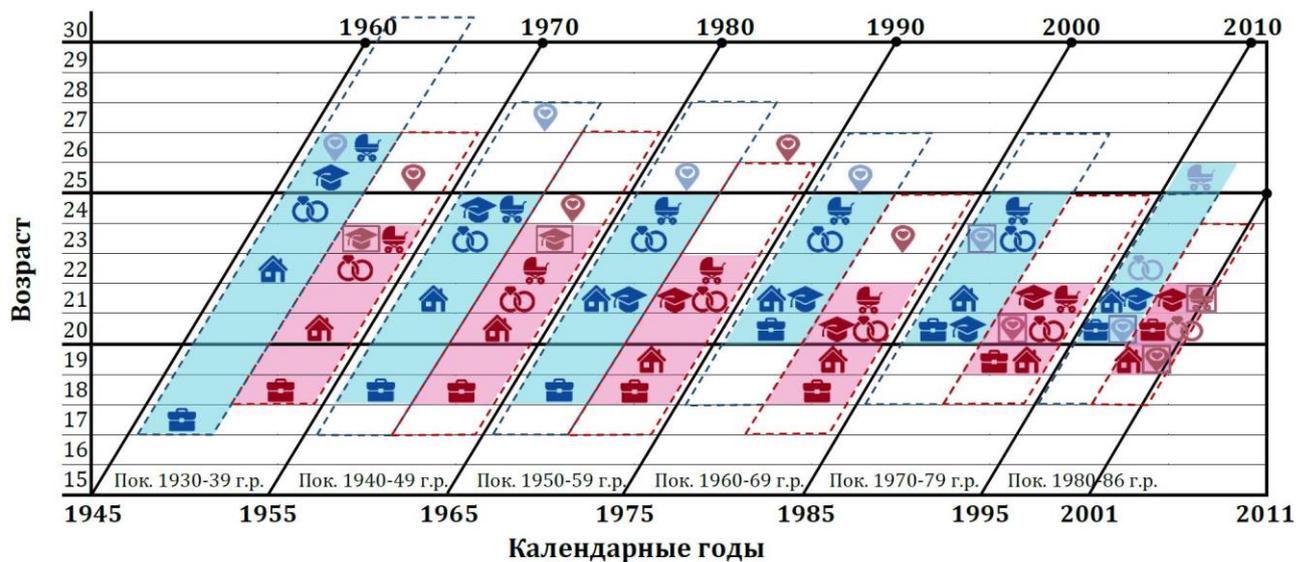


Рисунок 1. Визуализация процесса взросления разными поколениями россиян в условиях существовавшего исторического контекста

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Предлагаемая нами схема (Рисунок 1) позволяет **визуализировать**:

1. Влияние *эффектов периода, возраста и когорты* (поколения) на процесс перехода во взрослую жизнь.
2. *Композицию* взросления (через оттенки пиктограмм и очередность их расположения) и *тайминг* (через расположение пиктограмм).
3. Наступление *отдельных событий* (через расположение пиктограмм и закрашенные цветовые коридоры) и наступление *взросления как единого процесса* (через пунктирные коридоры).
4. *Длительность* периода взросления для каждого поколения.
5. Взаимосвязь реального поведения людей с *историческим и институциональным контекстом*.

6. Влияние *индивидуальных характеристик людей*: в данном случае отображено влияние пола через цветовые обозначения (синим цветом обозначены мужчины, красным – женщины).
7. *Взаимовлияние разных стартовых событий* друг на друга (через анализ наиболее типичных комбинаций и «связок» событий).

На основе представленной схемы и дополнительных расчетов мы составили таблицу (Таблица 1), которая отражает ключевые параметры перехода во взрослую жизнь и позволяет классифицировать модели взросления россиян. Информация в таблице представлена исходя из второго подхода к анализу взросления – когда все события воспринимаются как часть единого процесса и рассматриваются в совокупности. В расчетах были учтены пять стартовых событий. Партнерства не были включены в набор нормативных событий, т.к. стали таковыми только после распада СССР.

Таблица 1. Классификация моделей взросления россиян

Покolle-ние	Возрастные границы взросления	Длительность взросления, лет	Кол-во событий из 5-ти	Кол-во событий в год	Последовательность наступления событий**	Календарные годы взросления	Модель взросления
1930-39	17-27	10	4,46	0,69	1. Трудоустройство 2. Отделение от родителей 3. Брак и деторождение 4. <u>Профессиональное образование</u> 5. <u>Партнерство</u>	1947-1966	«переходная»
1940-49	17-26	9	4,57	0,80		1957-1975	«советская»
1950-59	17-26	9	4,66	0,81		1967-1985	
1960-69	17-25	8	4,63	0,95		1977-1994	
1970-79*	18-25	7	4,51	1,06	1. Трудоустройство 2. Отделение от родителей 3. <u>Профессиональное образование</u> 4. <u>Партнерство</u> 5. <u>Деторождение</u> 6. Брак	1988-2004	«переходная»
1980-86*	18-23	5	3,60	1,23		1998-2009	«пост-советская»

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Примечание:

* Для поколений, не окончивших переход во взрослую жизнь, представлены предварительные результаты.

** Обозначения универсальности наступления событий:

- Универсальные события (есть у более чем 70% респондентов)
- Полууниверсальные события (есть у 50-70% респондентов)

- Неуниверсальные события (есть менее чем у 50% респондентов)

Перечислим основные выводы по каждому из параметров взросления, представленных на схеме и в таблице.

Границы взросления меняются очень медленно. В среднем, для россиян характерно обретение стартовых событий в интервале от 17-18 и до 25-27 лет. Мужчины начинают переход во взрослую жизнь раньше женщин, но, в основном, фокусируются на социоэкономических событиях. За счет того, что женщины интенсивнее обретают опыт в демографической сфере и быстро догоняют мужчин по уровню социоэкономических событий, взросление женщин происходит быстрее. К 25 годам у обоих полов, в среднем, уже имеется опыт двух из трех социоэкономических событий; демографических событий у женщин уже полтора-два, тогда как у мужчин всего 1,3. К 35 годам социоэкономических событий у обоих полов по 2,5, а демографических – у женщин больше двух, а у мужчин – меньше двух.

В среднем, завершение взросления у советских мужчин происходило к возрасту 26-28 лет, а у советских женщин – примерно на год раньше. То есть **длительность взросления** составляла примерно 9-10 лет. Самому молодому поколению россиян на момент опроса было от 25 до 31 года, и к этому времени ими накоплено всего 3,6 событий из пяти, поэтому рассчитать средний или медианный возраст завершения взросления для них пока нельзя.

Так как респонденты находились в разных возрастах на момент опроса, то у них были разные шансы на обретение стартовых событий. Чтобы нивелировать этот эффект, мы рассчитали относительный показатель **«скорости» взросления**: для каждого респондента мы разделили длительность взросления на число обретенных им событий, а затем посчитали среднее число событий для каждого поколения.

«Скорость» взросления показывает, что самое старшее поколение взрослело «медленнее» всех, обретая по 0,69 события в год. Самое молодое поколение, которое начало переход во взрослую жизнь всего несколько лет назад, показывает почти в два раза более высокую скорость обретения событий (1,23 в год). «Скорость» – более объективный индикатор, чем просто число событий или длительность взросления, но у нее тоже есть свой недостаток – нечувствительность к разнице интервалов между событиями. Рисунок 2 отображает **повозрастную динамику наступления стартовых событий** – то есть долю представителей поколения, имеющих событие к конкретному возрасту. Мы видим, что каждое поколение по-своему комбинирует доступные стартовые события. Самое старшее поколение демонстрирует достаточно большой временной разрыв между ранне

наступавшим трудоустройством и всеми остальными событиями. Для женщин 1970-79 г.р. характерна беспрецедентная «спрессованность» событий во времени: события наступали практически одновременно. Самые молодые мужчины также обретают социоэкономические события и партнерство «оптом» и сразу, но сильно откладывают деторождение и вступление в брак. В результате в процессе взросления образуется «пауза», разбивающая его на стадии.

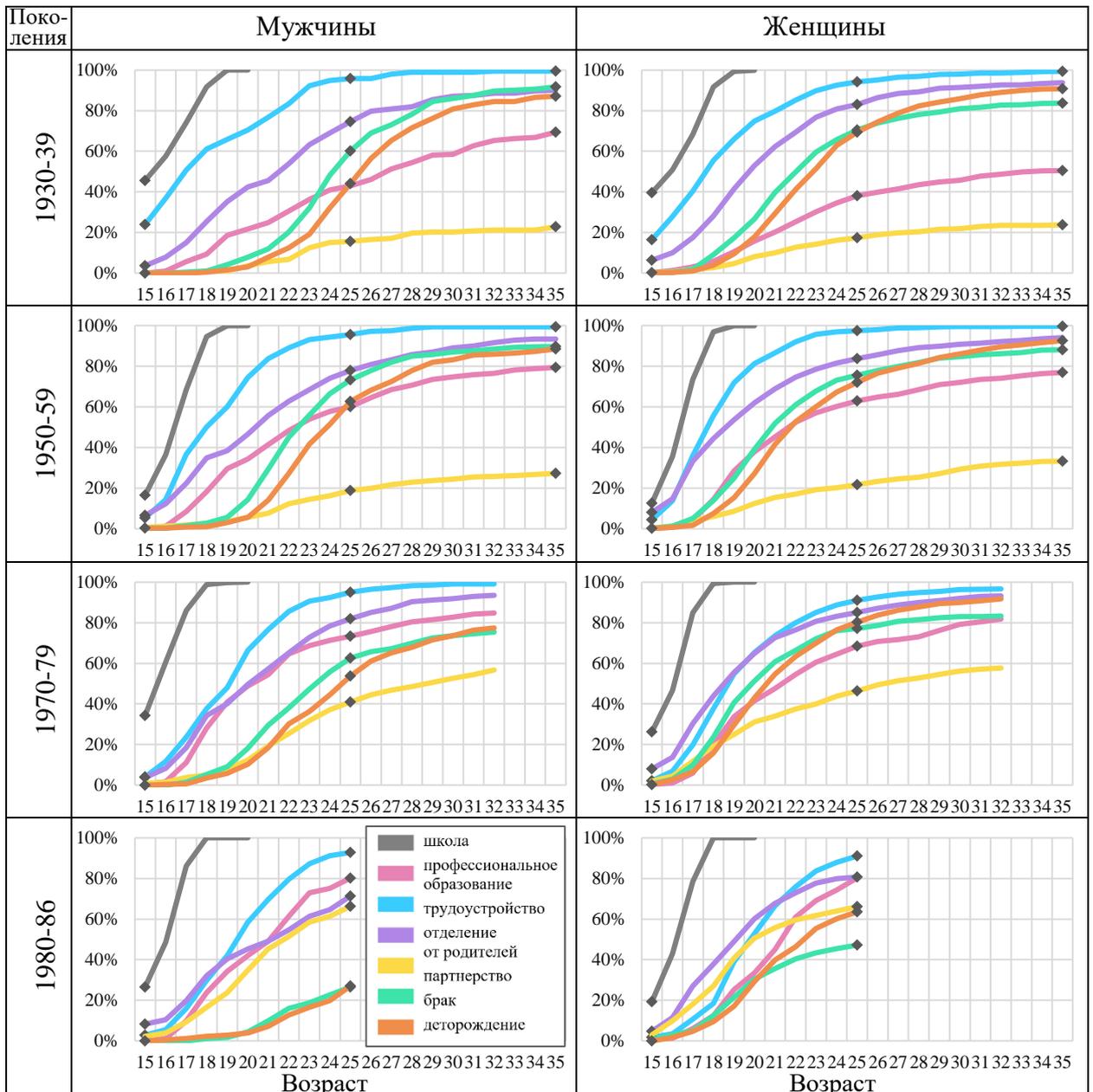


Рисунок 2. Повозрастное наступление событий у ряда поколений (в разрезе пола)

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Выстроив стартовые события в хронологическом порядке внутри каждой биографии, мы определили усредненную последовательность их наступления. Наши расчеты подтверждают уже имеющиеся эмпирические свидетельства того, что

распространенность и последовательность наступления стартовых событий у россиян меняется [Захаров, 2009; Mills, 2004; Potârca, Mills, Lesnard, 2013].

В *советское время* универсальными событиями являлись трудоустройство, отделение от родителей и создание семьи. Причем наступали они, в основном, именно в этой последовательности. Получение профессионального образования было, в большей степени, прерогативой мужчин. В нормативный сценарий взросления у женщин это событие включается только, начиная с поколения 1950-59 г.р. Вступление в партнерство (незарегистрированный союз) в советском обществе не поощрялось, поэтому оно редко встречается редко. А если это событие и наступало – то, в основном, после первого брака и последовавшего за ним развода. То есть в советское время партнерство не выполняло роль маркера взрослости, а скорее являлось допустимым событием этапа зрелости.

Наступление стартовых событий в разрезе других индивидуальных характеристик различалось не сильно. У подавляющего большинства респондентов первым событием являлось трудоустройство, а последним – деторождение. У высокообразованных респондентов и жителей областных центров первым событием часто являлось отделение от родителей, связанное, скорее всего, с образовательной или трудовой мобильностью. А последним событием (наряду с деторождением) являлось получение профессионального образования. У женщин появление ребенка снижало шансы трудоустройства и получения профессионального образования.

В *постсоветское время* партнерство и получение профессионального образования стали частью нормативного сценария взросления. Добавление этих двух событий в перечень обязательных и/или желательных увеличило разнообразие комбинаций стартовых событий. Нынешняя молодежь, имеющая высокий уровень образования и живущая в областных центрах, начинает взросление с обретения социоэкономических событий, то есть с инвестиций в свой человеческий капитал и обретения финансовой независимости. Только после этого молодые поколения заводят семью. Причем семейная жизнь у них чаще всего начинается с партнерства, которое не всегда перерастает в брак даже при наличии ребенка. Очередность наступления событий у тех, кто проживает в менее урбанизированных населенных пунктах и имеет более низкий уровень образования, различается в зависимости от гендерной принадлежности: начало перехода во взрослую жизнь у мужчин становится больше связано с получением образования (часто, в комбинации с трудоустройством), а у женщин – со вступлением в партнерство или брак.

Календарные годы: локализация периода взросления поколения на конкретном историческом отрезке

Поколение 1930-39 г.р. наиболее активный период накопления стартовых событий переживало в период с 1947 по 1966 гг. Свое взросление они начали в переломную эпоху, когда очередная волна послевоенных репрессий и усиления рестриктивных мер сменилась «оттепелью», либерализацией социально-экономической, образовательной, трудовой, миграционной и семейной политики. В то же время либерализация была не последовательной и далеко не полной: сохранялись явные черты всеобщей трудовой мобилизации, политики «орабочивания», обязательного распределения на работу, запретов увольнения и смены работы. Нельзя также забывать и о платности обучения в старших классах школы, средних специальных и высших учебных заведениях (действовало в 1940-1956 гг.), и о более длительных сроках службы в армии по призыву. Рассматриваемое поколение начинало взросление именно с трудоустройства и отодвигало обретение остальных событий на более поздние возрасты.

В этот период еще отсутствовали нормативы длительности обучения в школе, поэтому в этом поколении встречаются те, кто окончил всего несколько классов школы и, кто не получал образование более высокого уровня или получал, но поздно – в качестве одного из последних событий, маркирующих взросление.

Послевоенная диспропорция полов, ведущая к несбалансированности брачного рынка, а также отсутствие графы «отец» в свидетельстве о рождении внебрачного ребенка, способствовали серьезному расхождению медианных возрастов наступления демографических событий у мужчин и женщин. Несмотря на активную пронаталистскую политику того времени, демографические события у данного поколения наступали позже, чем у всех остальных поколений. Помимо прочего, это было вызвано высокой конкуренцией семейной и трудовой сфер жизни в бюджетах времени индивидов и еще не отлаженными институтами государственного вспомоществования (ясли, детские сады, короткий отпуск по беременностям и родам и т.д.).

Поколения 1940-49 и 1950-59 выросли в более стабильный период советской истории (1957-1985 гг.). Зарегулированность общественной жизни была еще высокой; рестриктивных мер было довольно много, но государственная поддержка семьи, образования и других сфер жизнедеятельности росла и давала уверенность, что государственные институты помогут обрести необходимые события и успешно освоить новые социальные роли. Более того, действовавшие «советские» нормы и правила уже были освоены предыдущими поколениями, что облегчало трансляцию нормативных сценариев поведения.

Эти поколения демонстрируют раннее и интенсивное осваивание статусов взрослого человека, которое можно описать следующим образом. Обретение стартовых событий у мужчин происходило к 27 годам, у женщин – к 25-26 годам. Усредненная последовательность их наступления выглядела так: сначала трудоустройство и отделение от родителей, затем – создание семьи и завершение профессионального образования. Связь между браком и деторождением была очень сильной (протогенетический интервал составлял менее года). Такая однородность наступления стартовых событий являлась результатом однородности взглядов, условий жизни, доходов, а также следствием существования единых общественных и законодательных норм, регулирующих время и порядок наступления событий.

Поколение 1960-69 г.р. начало переход во взрослую жизнь в стабильное советское время (1977 г.), а заканчивало – в период перестройки и распада Советского союза (1994 г.). В результате внешний вид процесса взросления (последовательность наступления событий и тайминг) выглядят весьма схоже с предыдущими поколениями, но более детальное рассмотрение, в частности, гендерных различий, позволяет увидеть изменения в организации процесса взросления. Эти изменения сильно обуславливаются ситуативными факторами (изменениями в социоэкономической и демографической политике).

Мужчины начинают обретение стартовых событий позже соседних поколений, но это связано не с изменением их приоритетов и желаний, а масштабным армейским призывом, вызванным участием СССР в Афганской войне. После прохождения срочной службы и возвращения домой мужчины начинают «наверстывать» упущенное и завершают взросление даже на год раньше предыдущих поколений.

Женщины этого поколения тоже демонстрируют более раннее завершение взросления, которое было обусловлено снижением возраста рождения первого ребенка. В 1982 г. правительство увеличило оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до 1 года, а в 1989 г. – до 1,5 лет. Эти меры простимулировали рождаемость среди женщин данного поколения, параллельно снизив их шансы на получение образования более высокого уровня и трудоустройства.

Поколение 1970-79 г.р. вступало во взрослую жизнь в очень турбулентное время (1988-2004 гг.) с размытыми ориентирами относительно желаемых, нежелательных и обязательных образцов поведения. Наряду с колоссальным расширением свободы выбора поведенческих практик, возможностей пробовать новое и экспериментировать, вырос и уровень неопределенности, напряженности и рисков: весь период взросления это поколение сталкивалось с экономическими кризисами, со сменами ориентиров во внутренней политике государства, с Чеченскими войнами и межэтническими

конфликтами, с нестабильностью социальных институтов, с неизбежностью коррекции своих планов на будущее.

Отмена рестриктивных норм в социоэкономической и демографической сфере позволила этому поколению более свободно организовывать свою жизнь, но для эффективной реализации этой свободы еще не было создано необходимой инфраструктуры: ряд профессий и специальностей перестали быть востребованными, ключевые предприятия и организации закрывались и/или меняли форму собственности, что вызывало массовую дезориентацию и, нередко, безработицу – особенно среди молодого поколения, еще не имеющего опыта трудовой занятости и социальных связей. В результате мы видим откладывание возраста первого трудоустройства в этом поколении.

С одной стороны, институциональные барьеры на получение профессионального образования резко снизились, а, с другой – повышение его доступности, в том числе и за счет коммерциализации, вызвало резкий рост предложения и снижение его качества. В результате все большее число индивидов смогло себе позволить «психосоциальный мораторий» [Erikson, 1995] в виде студенчества, которое для них было не столько инвестицией в человеческий капитал, сколько способом «пережидания» очередного экономического кризиса.

Возраст покидания родительского дома этим поколением совпадает с таймингом предыдущих поколений, т.к. в государстве еще продолжала действовать инерция выполнения ряда социальных обязательств, в частности, обеспечения жильем тех, кто встал в «очередь на улучшение жилищных условий» в советское время. Отмирающие в этот период прежде распространенные практики обретения жилья (например, общежития, квартиры «гостиничного типа» от работодателей) замещались новыми в связи с развитием и повышением гибкости жилищного рынка, а также в связи ослаблением соционормативных и законодательных ограничений на проживание с «посторонними» (с партнерами).

Возраст вступления в первое партнерство у этого поколения заметно снизился, а количество партнерств событий в биографиях – заметно возросло в сравнении с предыдущими поколениями. Постепенная дестигматизация добрых сексуальных отношений позволила этому поколению осваивать новые способы совместной жизни. Однако отсутствие знаний о планировании семьи и средствах контрацепции зачастую приводили к добрым зачатиям. Предыдущие поколения в такой ситуации либо вступали в брак «вдогонку», либо абортировали беременность. Это поколение все меньше прибегает к абортам, т.к. беременность до брака и даже одинокое материнство постепенно перестают порицаться обществом, но практика вступления в брак после зачатия

продолжает воспроизводиться. Поэтому протогенетический интервал остается на уровне предыдущих поколений (менее года).

Данное поколение необходимо изучить дополнительно, возможно, путем проведения глубинных интервью, т.к. количественный, фактологический аспект взросления у них выглядит благополучно и завершённо, но субъективное ощущение может быть другим. В отличие от предыдущих поколений, имевших четкие образцы поведения, транслировавшиеся через нормы, законы и живой пример предыдущих поколений, это поколение действовало «вслепую» и было вынуждено постоянно адаптироваться к стремительно меняющимся правилам. Возможно, такое ускоренное взросление, которое продемонстрировало это поколение (особенно женщины) явилось защитной реакцией на неопределенность: стремление быстрее обрести все статусы, пока все опять не поменялось, и шанс еще не упущен.

Поколение 1980-86 г.р. – единственное из всех рассматриваемых поколений, взросление которого началось уже после распада СССР (1998 г.) и для которого свобода выбора и доступ к информации являются естественными компонентами жизни. Появление интернета, соцсетей, доступность образования, развитие рынка фармакологии позволили этому поколению успешно освоить навыки планирования жизни и семьи, изучить различные варианты формирования биографий, основанные на принципах тайм-менеджмента и осознанного выбора. Отсутствие единого образца поведения привело к росту разнообразия жизненных стратегий, к возможности отказа от каких-то событий (например, деторождений [Вильданова и др., 2017; Salyakhieva, Saveleva, 2017]) или же наоборот – к более эффективному совмещению разных сфер жизни (например, родительство и занятость [Billari, Giuntella, Stella, 2019]).

Достаточно экономически стабильные нулевые годы, восстановление институтов государственной поддержки, доступность образования, открытость государственных границ, введение материнского капитала, отсутствие выраженных социальных конфликтов и экономических проблем сформировали у этого поколения ощущение защищенности и свободы выбора. Имея поддержку работающих родителей, государственных институтов, не имея проблем со сменой не понравившегося работодателя или надоевшего партнера, зато имея большое количество форм социальной активности, развлечений и способов самореализации, это поколение демонстрирует признаки эскапизма и прокрастинации (то есть бегства от реальности и откладывания дел и решений на потом). Тем не менее, у нас пока нет оснований утверждать, как это нередко делается, что российское общество столкнулось с массовой инфантилизацией молодежи.

Социальноэкономические события они обретают примерно в тех же возрастах и с той же интенсивностью, что и два предыдущих поколения. Возраст первого трудоустройства немного откладывается, но это объясняется более длительным получением профессионального образования, востребованность которого достигла беспрецедентно высокого уровня. Демографические события молодежь также продолжает обретать, но приоритет больше отдает партнерствам, тогда как события, требующие принятия долгосрочной ответственности (браки и деторождения), откладываются на более поздние возрасты. Если у мужчин замедление темпов взросления в демографической сфере (прокрастинация или более осознанное принятие решений?) видно очень отчетливо, то биографии женщин пока еще очень «спрессованы» (уже меньше, чем у женщин предыдущего поколения, но гораздо сильнее, чем у мужчин-ровесников).

Молодежь не саботирует взросление, но, получив доступ к организации этого процесса, начинает менять его структуру и календарь. Благодаря широкой доступности высшего образования, студенческие годы стали вписаны в типичный жизненный сценарий молодого россиянина. А это, по Э. Эриксону [Erikson, 1995], дает индивидам возможность взять паузу между завершением детства и обретением взрослости («психосоциальный мораторий») и посвятить это время поиску себя и планированию карьеры.

Классификация моделей взросления

Предложенный способ визуализации процесса взросления на демографической сетке Лексиса позволяет сделать вывод, что ***эпоха, в рамках которой поколение обретает стартовые события, оказывает влияние на формирование моделей взросления.*** Переход во взрослую жизнь является изменчивым этапом жизни, ***адаптирующимся*** под конкретные условия среды и помогающим молодому поколению наиболее эффективно и быстро встроиться в действующую социальную систему.

В качестве наиболее устойчивой и типичной модели можно назвать организацию процесса взросления у поколений ***1940-49, 1950-59, 1960-69 г.р.*** Назовем эту модель ***«советской»***. Типичное устройство перехода во взрослую жизнь появилось только вследствие унификации работы социальных институтов в позднесоветское время. В эпоху плановой экономики и плановой организации жизни нормативный жизненный сценарий был очень ясно и четко определен. Следовать ему было просто, т.к. все институты работали согласованно и ориентировали именно на эту типовую модель.

В периоды перемен и нестабильности индивиды откладывают наступление одних событий и приоритезируют наступление других. Например, поколение ***1930-39 г.р.***, столкнувшееся с послевоенной разрухой и выходом из мобилизационного характера

экономики, своим приоритетом сделало трудовую деятельность, остальные события отложив на более поздние возрасты. Поколение *1970-79 г.р.* – напротив: в период сильных социальных и политических трансформаций и невозможности строить планы на будущее, очень быстро обрело ключевые стартовые события, то ли «запасая их впрок», то ли стремясь попробовать все и сразу в условиях небывалой свободы. Такие модели взросления можно назвать *«переходными»* (или адаптивными, стрессовыми). Они лучше всего демонстрируют адаптивную природу процесса взросления.

Модель взросления, которая формируется у сегодняшней молодежи (поколение *1980-86 г.р.*), мы назовем *«постсоветской»*. Мы видим замедление процесса взросления за счет откладывания наступления демографических событий, которое стало возможным благодаря доступу к информации и технологиям (планирование семьи, контрацепция, доступность информации т.д.). Также важным изменением стало добавление нового события в число нормативных (партнерство) и приоретизация события, которое ранее было не столь приоритетным и доступным (получение высшего профессионального образования). Это приводит к изменению не только тайминга и последовательности наступления событий, но и к росту количества стартовых событий и разнообразия наборов возможных жизненных сценариев. Вектор изменений, взятый российской молодежью, соответствует траектории трансформации моделей взросления, описанной другими, в том числе авторитетными зарубежными авторами [Billari, Liefbroer, 2010]: взросление перестает быть *«ранним, ускоренным и простым»* и становится *«поздним, растянутым и сложным»*.

Дискуссия результатов в рамках социологических и демографических теорий

Проведенный комплексный анализ и представленная нами классификация подтверждают идеи Биллари и Лифброера [Billari, Liefbroer, 2010] о *конвергенции* паттернов взросления в развитых странах. Современные российские поколения, начавшие переход во взрослую жизнь после распада СССР, демонстрируют отдаление от типично «советской» модели взросления, которую можно назвать *«ранней, ускоренной и простой»* («традиционная» модель) и приближение к модели, которая становится все более распространенной в западных странах: *«поздней, растянутой и сложной»* («современная» модель). Взросление начинается *позднее*, т.к. молодежь откладывает наступление всех событий и, особенно, демографических. Взросление становится более *растянутым*, т.к. социоэкономические события обретаются всего на год-два позже, нежели в предыдущих поколениях, а демографические события откладываются на несколько лет, что вызывает рост общей длительности перехода и замедление его

скорости. Взросление становится более *сложным* за счет роста вариативности времени и последовательности наступления событий и включения в нормативный жизненный сценарий двух непопулярных ранее событий: получения профессионального образования и партнерства.

Переход от «традиционной» «советской» модели взросления россиян к «современной» «постсоветской» подтверждает историческую *стадиальность* изменения процесса взросления и демографического поведения как его части [Frejka, Zakharov, 2012; Ruug и др., 2012b; Ruug и др., 2012a]. Мы выявили, что изменения в тайминге и интенсивности наступления стартовых событий начались в поколении 1960-69 г.р., но эти трансформации связаны с эффектом периода: войной в Афганистане и активизацией семейной политики и стимулирования рождаемости в 1980-х годах. Первые устойчивые, поколенческие изменения начинаются с поколений 1970-1979 г.р., начавших менять не только тайминг и интенсивность наступления событий, но и их последовательность и приоритетность относительно друг друга. Поколение 1980-1986 г.р. демонстрирует принципиально другой подход к организации процесса взросления, выдвигание на первый план тех событий, которые дают больше выгод, чем обязательств и откладывание событий, требующих долгосрочной ответственности.

Исследование также подтверждает сделанные перечисленными учеными оценки разницы между началом *демографической модернизации* в Европе и в России: если в западноевропейских странах изменения в матримониальном поведении начались с поколения 1960-69 г.р., то в России – спустя 20-25 лет – в поколении 1980-86 г.р. Связка сексуального, брачного и репродуктивного поведений постепенно распадается: эти поведения не только наступают со все более длительными интервалами, но и во все более произвольной последовательности. Первое партнерство у молодых россиян чаще всего является первым демографическим событием, деторождение – вторым, а брак либо наступает незадолго после зачатия ребенка, либо может вообще не наступить, что приводит к росту внебрачной рождаемости и снижению брачной.

Рост разнообразия жизненных стратегий, изменение последовательности наступления событий и интервалов между ними, появление возможности организовывать свой жизненный путь в соответствии с собственными интересами – все это наблюдается в молодом поколении россиян и согласуется с предположениями *концепции жизненного пути* [Giddens, 1994; Heinz, Marshall, 2003; Huinink, 2013].

Анализ процесса перехода во взрослую жизнь в сопоставлении с *историческим и институциональным контекстом* позволил подтвердить существование взаимного влияния среды и индивида и проследить, как происходит процесс *хабитуализации* новых

практик и отмирания старых сценариев [Berger, Luckmann, 1966; Kiernan, 2002; Sobotka, Toulemon, 2008].

Мы увидели, что взросление является очень *адаптивным этапом жизни*, который подстраивается под условия среды, сжимаясь или растягиваясь, прирастая одними событиями и теряя другие. Если в предыдущие века и даже в послевоенный период советского времени *«прошлое родителей становилось будущим детей»* [Мид, 1988], что делало возможным наличие устойчивой и типичной модели взросления, то в современном мире каждое новое поколение взрослеет в качественно новых условиях: *«ты никогда не был молодым в мире, где молод я»* [Mead, 1970].

Процесс взросления выполняет ту же социальную роль, что и раньше, помогая молодому поколению встроиться в социальную систему и занять свое место в социальной иерархии, но внутренняя наполненность этого процесса и внешние его проявления претерпевают серьезные изменения. Если в традиционном обществе нужно было сначала обрести социальный статус взрослого путем прохождения обряда инициации (т.е. взросление было *событием*), и уже имея этот статус, встраиваться в социальную иерархию и набирать компетенции взрослого, то сегодня, чтобы обрести статус взрослого, нужно обрести несколько событий в разных сферах жизни (т.е. взросление превращается в *процесс*).

В современном обществе единая социальная система распалась на *множество автономных сфер*, в каждой из которых индивиду нужно пройти своеобразную инициацию: созреть биологически (менструация у девушек и эякуляция – у молодых людей), обрести гражданскую правоспособность (получение паспорта, водительских прав), окончить школу и/или учебное заведение следующей ступени (обряд – «выпускной»), трудоустроиться (обряд – «проставиться» в коллективе), отделиться от родителей (обряд – «новоселье»), вступить в брак (обряд – «свадьба»), родить ребенка (обряд – «baby shower» и выписка из роддома), для мужчин – отслужить в армии (обряд – «дембель»). Наличие такого большого числа сфер жизни делает переход во взрослую жизнь более вариативным, т.к. можно становиться взрослым только в тех сферах, которые наиболее значимы, остальные либо игнорируя, либо оставляя «на потом». Социальный контроль за наступлением стартовых событий снизился, что позволяет каждому новому поколению переосмыслить и заново изобретать для себя смысл и сущность процесса перехода во взрослую жизнь.

Поэтому, изучая взросление разных поколений, мы должны понимать, что невозможно применять одни и те же *критерии завершенности взросления* и сравнивать

поколения напрямую. Необходимо развивать научную дискуссию о том, какие критерии должны быть взяты за основу в том или ином контексте и как должен быть выстроен методологический каркас исследования, чтобы сравнение было эвристичным.

Общие выводы исследования

Проведенное исследование демонстрирует перспективность и вариативность изучения процесса взросления через анализ количественных паттернов наступления стартовых событий. Мы подтвердили все выдвинутые в работе гипотезы и ответили на поставленные задачи.

Подведем итоги по каждой из задач исследования, выделив ключевые положения диссертационной работы.

1. *Переход во взрослую жизнь* – это комплексный процесс становления индивида взрослым, самостоятельным; это социально сконструированная система норм, которая определяет поведение людей и наложена на историческую ситуацию. Взросление включает в себя хронологическую, биологическую, правовую, психоэмоциональную, социальную и демографическую компоненты. Изучение демографической компоненты взросления количественными методами позволило выявить, что процесс перехода во взрослую жизнь подстраивается под условия среды, сжимаясь или растягиваясь, прирастая одними событиями и теряя другие. На *индивидуальном* уровне взросление – это процесс, при помощи которого индивид встраивается в существующую социальную структуру; на уровне *общества* взросление – это процесс, благодаря которому происходит смена поколений, обновление социальных практик и нормативных моделей поведения. Через механизм обратной связи сначала индивиды адаптируются к новым условиям жизни, изменяя возраст, количество, скорость, последовательность обретения стартовых событий, а через какое-то время общество начинает транслировать обновленные модели взросления как нормативные. Такая *адаптивность* позволяет как государству менять нормативную модель взросления, направляя ценный ресурс молодости своих граждан на решение наиболее актуальных государственных задач, так и новому поколению трансформировать старые образцы поведения в соответствии с актуальными для них целями и приоритетами.
2. В диссертационном исследовании *рассмотрены два взаимодополняющих подхода к анализу взросления. Первый*, наиболее часто применяемый количественных исследованиях социологов и демографов, предполагает анализ наступления

отдельных стартовых событий, маркирующих переход во взрослую жизнь. **Второй** способ, применяемый обычно в исследованиях философов и психологов, подразумевает изучение взросления как длящегося процесса накопления опыта, состоящего из разных элементов и этапов.

Мы применили количественную методологию к обоим подходам. **Первый** подход позволяет проанализировать особенности наступления каждого стартового события по отдельности, найти закономерности и связи между ними. Недостатком этого подхода является то, что мы можем оценить взаимодействие только двух или трех событий, но не всех сразу. **Второй** подход описывает взросление как единый процесс, состоящий из набора событий. Мы анализируем события по хронологии их наступления, присваивая каждому событию порядковый номер, под которым оно наступило в биографии конкретного индивида. Такой подход позволяет выявить, какие события чаще всего наступают первыми и последними, в каком возрасте взросление начинается и в каком – завершается. Недостатком этого подхода является сильная зависимость результатов от того, какой набор событий был включен в качестве обязательных маркеров взрослости.

Два перечисленных подхода хорошо дополняют друг друга, но оба чувствительны к цензурированию¹ данных, поэтому информацию о самом молодом поколении можно дать только предварительно. Чтобы нивелировать цензурирование данных, мы применили анализ *повозрастной динамики* наступления событий: мы сравнили доли представителей каждого поколения, имеющих определенные события в сопоставимых возрастах.

Предлагаемый способ *визуализации* наступления стартовых событий на демографической *сетке Лексиса* дает представление о композиции и тайминге перехода во взрослую жизнь. Он позволяет наглядно сравнить два перечисленных подхода к изучению взросления и проанализировать взросление разных поколений в специфических исторических условиях, которые оказывали влияние на формирование биографий респондентов.

Такое комплексное изучение композиции, тайминга и интенсивности наступления стартовых событий позволяет разделить эффекты периода, возраста и когорты. Например, «спрессованность» наступления событий у женщин поколения 1970-79 г.р. могла быть эффектом возраста, вызванным цензурированием данных, т.к.

¹ Цензурирование данных – это ситуация, при которой у респондента интересующее нас событие еще не наступило, и мы не знаем, что это: отказ от события или его откладывание. В случае со взрослением мы не имеем окончательных данных о самых молодых респондентах, т.к. они находятся в ситуации незавершенного процесса взросления и имеют еще не все события, которые могли и хотели бы иметь.

поколение еще находится в процессе перехода во взрослую жизнь. Но повозрастная динамика показывает, что это поколенческий эффект.

3. **Исторический и институциональный контекст**, сопутствующий взрослению индивидов, задает границы и ориентиры для возможных моделей взросления [Berger, Luckmann, 1966; Kiernan, 2002; Sobotka, Toulemon, 2008]. Чем больше поддержка государства, тем более рано и интенсивно происходит взросление, что согласуется с ранее проведенными исследованиями [L'allongement de la jeunesse, 1993; Vogel, 2002; Esping-Andersen, 2007; Ejrnas, Voje, 2008]. Чем уже коридоры, формируемые законодательными и общественными нормами, тем меньше различий в структуре, тайминге, интенсивности и последовательности наступления стартовых событий (пример поколений 1940-49, 1950-59, 1960-69 г.р.). Как только появляется свобода выбора в организации жизненного пути, индивиды начинают демонстрировать вариативность поведений (пример поколения 1980-86 г.р.).

Существование «тройного гендерного контракта» женщин в СССР [Здравомыслова, Темкина, 2008] обусловило **гендерную дифференциацию** биографий россиян. Взросление в социоэкономической сфере все меньше становится зависимым от гендерной принадлежности респондента, но сильно различается в зависимости от места жительства индивида и уровня полученного образования. Взросление в демографической сфере все еще гендерно обусловлено, особенно в сельской местности и среди респондентов с низким уровнем образования.

В среднем случае, чем ниже у индивида **уровень образования** и чем менее урбанизирован **тип населенного пункта**, в котором он проживает, тем раньше у него начинается переход во взрослую жизнь, тем меньшее число социоэкономических событий и большее число демографических событий он имеет. Такое ускоренное взросление в ограниченном диапазоне сценариев может являться следствием определенного уклада жизни, более ограниченного рынка труда, брачного рынка, а также ограниченных возможностей планирования жизненных событий в сфере деторождения, образовательной и трудовой карьеры в сельской местности. В кризисные периоды низкообразованное и сельское население становится особенно уязвимо и демонстрирует резкие колебания в возрасте и шансах наступления событий. Средний и высокий уровень образования, а также городской образ жизни являются факторами, выравнивающими гендерное неравенство в наступлении социоэкономических событий и партнерств.

«Агентами» модернизации в России, главным образом, выступает молодое поколение, мужчины, высокообразованное и городское население.

4. Выявлены три *модели взросления россиян*:

- «*советская*» (поколения 1940-49, 1950-59, 1960-69 г.р.): «раннее, ускоренное и простое» наступление событий;
- «*переходная*» (поколения 1930-39, 1970-79 г.р.): модель, адаптирующаяся под резкое изменение условий жизни (война в случае поколения 1930-39 г.р. и период высокой турбулентности после распада СССР в случае поколения 1970-79 г.р.);
- «*постсоветская*» (поколение 1980-86 г.р.): «позднее, растянутое, сложное» наступление событий.

Предложенные модели взросления вписываются в классификацию, предложенную Биллари и Лифброером [Billari, Liefbroer, 2010]: «советская» модель соответствует «традиционной», а «постсоветская» приближается к «современной». То есть наблюдается *конвергенция* особенностей перехода во взрослую жизнь в России и в странах, находящихся на более продвинутых этапах демографического перехода, что подтверждает *стадиальность* модернизационного процесса [Frejka, Zakharov, 2012; Ruug и др., 2012b; Ruug и др., 2012a].

«Современная» модель взросления в Европе в усредненном варианте выглядит так: относительно раннее покидание родительского дома, за которым следует небольшое время проживания без партнера, затем вступление в партнерство, зачатие первого ребенка в относительно позднем возрасте и регистрация брака незадолго до рождения ребенка или вовсе отказ от регистрации брака [Billari, Liefbroer, 2010]. Наш анализ показал, что последовательность наступления стартовых событий у российской молодежи приближается к этой модели, но демографические события наступают в России в более ранних возрастах и с более короткими интервалами. То есть композиция взросления у нас становится похожей на европейскую модель, а динамика все еще разная.

5. Выявлены специфические особенности процесса взросления *поколения россиян 1980-86 г.р.*: смена внешней регуляции внутренней привела к более долгому принятию решений и откладыванию стартовых событий; рост продолжительности жизни – к удлинению периода взросления и появлению в нем стадий. Вписывание студенческих лет в нормативный жизненный сценарий дало возможность молодежи использовать время обучения и следующий за ним период начала карьеры как паузу во взрослении («психосоциальный мораторий» [Erikson, 1995]).

В течение этих нескольких лет молодые россияне находятся в состоянии «полузрелости»: они уже обрели социоэкономические статусы и опыт проживания с партнером, но еще не создали семью. Вступление в брак и деторождение воспринимаются ими как наиболее «неотменяемые» события, требующие определенной психологической зрелости и финансовой устойчивости. Мы полагаем, что такое удлинение периода взросления – следствие откладывания демографических событий на более поздние возрасты, а не полного отказа от них.

Новой нормативной модели взросления в российском обществе еще не сложилось. «Постсоветская» модель взросления обрисовывает очертания новой нормы, но трансформации будут продолжаться в более молодых поколениях. Мы можем ожидать нарастания вариативности жизненных сценариев, характерного для стран, находящихся на более продвинутых этапах модернизационного процесса [Billari, Liefbroer, 2010]. Необходимо продолжать изучение процесса перехода во взрослую жизнь, т.к. при правильном применении знаний о взрослении молодежи можно превратить назревающие изменения в точки роста для общества и экономики. Сравнение моделей взросления в России с уже имеющимися образцами помогает прогнозировать грядущие трансформации и более аргументированно принимать решения на уровне государственной и корпоративной политики.

Список публикаций автора диссертации, в которых отражены основные научные результаты диссертации

По теме диссертации автором опубликовано **43 научные статьи** общим объемом 30 п.л. (личный вклад автора 21 п.л.). Из имеющихся работ 7 статей индексируются в Scopus, 3 статьи опубликованы в журналах, входящих в список журналов высокого уровня НИУ ВШЭ.

Работы, опубликованные автором в рецензируемых научных изданиях, входящих в международные реферативную базу данных *Scopus*:

1. Митрофанова Е.С. Стартовые биографические события: сравнение Северного Кавказа с общероссийской картиной // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 1. С. 133–141.
2. Zakharov S. V., Mitrofanova E. S. Demographics of Youth in Russia, in: Handbook of the Sociology of Youth in BRICS Countries / Ed. by T. Dwyer, Gorshkov Mikhail K., I. Modi, C. Li, M. S. Mapadimeng. World Scientific, 2018. Ch. 7. P. 123-143.

3. Mitrofanova E. S. The Age Parameters of the Starting Demographic Events Across Russian Generations / Пер. с рус. // Russian Education & Society. 2016. Vol. 58. No. 9-10. P. 601-622.
4. Mitrofanova E.S., Artamonova A.V. The perspectives of family policy in Russia amid increasing cohabitation // European Journal of Government. Vol. 5, № 6. 2016. С. 47-63.
5. Артамонова А.В., Митрофанова Е.С. Сожительства в России: промежуточное звено или легитимный институт // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. №1 (131). 2016. С. 126-146.
6. Mitrofanova, E. S., Artamonova, A. V. Studying Family Formation Trajectories' Deinstitutionalization in Russia Using Sequence Analysis // Proceedings of the Third Workshop on Experimental Economics and Machine Learning. 2016. С. 34-47.
7. Ignatov D. I., Mitrofanova E. S., Muratova A., Gizdatullin D. Pattern Mining and Machine Learning for Demographic Sequences // Knowledge Engineering and Semantic Web. Vol. 518: 6th International Conference, KESW 2015, Moscow, Russia, September 30 - October 2, 2015, Proceedings. Switzerland: Springer International Publishing, 2015. С. 225-239.

Публикации в журналах из списка изданий, *рекомендованных НИУ ВШЭ*:

8. Артамонова А. В., Митрофанова Е. С. Матримониальное поведение россиян на фоне других европейцев // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 1. С. 106-137.
9. Артамонова А. В., Митрофанова Е. С. Последовательность жизненных событий у российских мужчин, служивших и не служивших в армии // Демографическое обозрение. Т.2. №4. 2015. С. 77-110.
10. Митрофанова Е. С. Возрастные особенности наступления стартовых демографических событий российских поколений // Народонаселение. 2015, № 2. С. 87-100.

Работы, опубликованные автором в *других изданиях*:

11. Artamonova A.V., Mitrofanova E.S. Modernisation of Matrimonial Behaviour of Europeans: The Search for Multi-Level Determinants and Their Empirical Verification. SSRN. Series "Working Papers". ID 3235154. August 20, 2018.
12. Mitrofanova E.S. Becoming an adult in France, Estonia and Russia. Series Sociology. WP BRP 78/SOC/2017. Basic research program. National Research University Higher School of Economics. November 28, 2017.

13. Mitrofanova E.S. The difference between soviet and post-soviet generations' transitions to adulthood in Russia. Working paper. RU Series B No 66. Tallinn: Estonian Institute for Population Studies, Tallinn University, 2017.
14. Митрофанова Е.С. Формирование семей в поколениях россиян в свете выборочных исследований // Население России 2015: двадцать третий ежегодный демографический доклад / Под редакцией: С. В. Захарова. 2017. С. 85–99.
15. Gizdatullin D., Ignatov D. I., Mitrofanova E. S., Muratova A.A. Classification of Demographic Sequences Based on Pattern Structures and Emerging Patterns, in: 14th International Conference on Formal Concept Analysis - Supplementary Proceedings. University Rennes 1, 2017. P. 49-66.
16. Артамонова А. В., Митрофанова Е. С. Сожительства без регистрации в России // Демоскоп Weekly. 2016. № 671-672.
17. Митрофанова Е.С. Трансформация перехода во взрослую жизнь в условиях глобализации // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке / Материалы научной конференции к 100-летию Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского 10-12 ноября 2016 года / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт. Стр. 1499-1503
18. Митрофанова Е.С. Перспективы применения анализа последовательностей: пример перехода во взрослую жизнь // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс]. Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров – Электрон. дан. – М.: Российское общество социологов, 2016. – С. 9591-9600.
19. Артамонова А. В., Митрофанова Е. С. Брак или сожительство: с чего начинаются матримониальные биографии россиян // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс]. Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров – Электрон. дан. – М.: Российское общество социологов, 2016. – С. 9574-9590.
20. Муратова А.А., Гиздатуллин Д.К., Игнатов Д.И., Митрофанова Е. С. Выявление знаний в демографических последовательностях // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс]. Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров – Электрон. дан. – М.: Российское общество социологов, 2016. – С. 9601-9615.

21. Гиздатуллин Д. К., Игнатов Д. И., Муратова А. А., Митрофанова Е. С., Vaixeries J. Классификация демографических последовательностей на основе узорных структур // В кн.: Тезисы докладов 11-й конференции Интеллектуализация обработки информации. М.: Торус Пресс, 2016. С. 28-29.
22. Mitrofanova E. S. Russian Generations: Sequencing the Transition to Adulthood // Proceedings of the International Conference on Sequence Analysis and Related Methods (LaCOSA II) Lausanne, Switzerland, June 8-10, 2016 / Editors: Gilbert Ritschard and Matthias Studer. June 7, 2016, pp. 263-274.
23. Митрофанова Е.С., Артамонова А.В. Рецепт приготовления идеальной базы данных для анализа событий жизненного пути: опыт ЧСО и РиДМиЖ// Тезисы VI международной социологической Грушинской конференции "Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными", 16-17 марта 2016. - Материалы конференции. - М.: ВЦИОМ, 2016. Стр. 888-892.
24. Долгова А. А., Митрофанова Е.С. Отделение от родительской семьи в России: межпоколенческий аспект // Экономическая социология. Т.16 №4, 2015. С. 46-77.
25. Долгова А. А., Митрофанова Е.С. Начало самостоятельной жизни россиянами: межпоколенческий аспект // Демоскоп Weekly. 2015. № №624-625.
26. Митрофанова Е. С., Артамонова А. В. Особенности подготовки данных о событиях жизненного пути к анализу продвинутыми статистическими методами // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015, № 3[127] май-июнь. С. 147-150.
27. Артамонова А. В., Митрофанова Е. С. Незарегистрированный союз в России как пробная версия брака // Демоскоп Weekly. 2015. № 624-625.
28. Митрофанова Е. С., Артамонова А. В. Подготовка данных о событиях жизненного пути к анализу продвинутыми статистическими методами // Труды 6-й Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов «Статистические методы анализа экономики и общества» (12-15 мая 2015 г.) – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2015, с. 187-190.
29. Артамонова А. В., Митрофанова Е. С. Незарегистрированный союз как «придаток» брака в России // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2015» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2015.
30. Митрофанова Е. С., Артамонова А. В. Особенности подготовки данных о событиях жизненного пути к анализу продвинутыми статистическими методами //

- Тезисы V социологической Грушинской конференции «Большая социология: расширение пространства данных»; 12-13 марта 2015 г. – Материалы конференции – М: ВЦИОМ, 2015, с. 34-38.
31. Захаров С. В., Митрофанова Е. С. Российская молодежь в брачно-семейном интерьере // Демоскоп Weekly. 2014. № 619 – 620.
 32. Artamonova A.V., Mitrofanova E.S. Is cohabitation an alternative to marriage in Russia? SSRN. Series "Working Papers". ID 3071779. October 24, 2014.
 33. S.V. 扎哈罗夫 (S.V. Zakharov), E.S. 米特罗法诺夫 (E.S. Mitrofanova). 俄罗斯青年人口特征 (Demographics of the Youth in Russia) // 青年与社会变迁：中国与俄罗斯的比较研究 (The youth and social change: a comparative study between China and Russia). China: 社会科学文献出版社 (Social Sciences Academic Press), 2014. С. 50–67.
 34. Захаров С.В., Митрофанова Е.С. Демографические характеристики молодежи России // Россия и Китай: молодежь XXI века/ отв. редакторы: М.К. Горшков, Ли Чунлинь, З.Т. Голенкова, П.М. Козырева. М.: Новый хронограф, 2014. С. 55–79.
 35. Тындик А.О., Митрофанова Е.С. Социально-экономическое поведение индивида в зеркале концепции жизненного пути // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. №3 [121] май-июнь 2014. С. 146-159.
 36. Mitrofanova E.S. Demographic behaviour of Russians: family and fertility patterns across generations // The Macrotheme Review 2(3), Spring 2013, p. 71-80.
 37. Митрофанова Е.С. Анализ демографических событий жизни // Тезисы доклада 3-й Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов «Статистические методы анализа экономики и общества» – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012, с. 130-131.
 38. Митрофанова Е.С. Стартовые репродуктивные и matrimониальные события в жизненном цикле поколений современных россиян // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2012» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2012.
 39. Митрофанова Е.С. Браки, партнерства и рождаемость поколений россиян // Демоскоп Weekly № 477–478 (от 12 - 25 сентября 2011).

40. Митрофанова Е.С. Демографическое поведение поколений россиян в сфере семьи и рождаемости // Экономический журнал Высшей школы экономики, Том 15, №4, 2011. С. 519-542.
41. Митрофанова Е.С. Семья и брак, матримониальное, репродуктивное и сексуальное поведение в крестьянской, советской и современной России // Демоскоп Weekly № 423-424 (от 24 мая – 6 июня 2010).
42. Митрофанова Е.С. Различия в репродуктивном поведении поколений современной России // Сборник статей Всероссийской школы-семинара молодых ученых «Демографическое развитие России и ее регионов», посвященной 15-летию принятия Каирской программы действий в области народонаселения, 2010, с. 232-238.
43. Митрофанова Е.С. Использование прикладных аспектов Теории поколений при формировании социальной, корпоративной и государственной политики // Демоскоп Weekly № 381 - 382 (от 15 - 30 июня 2009).

Благодарности

Автор выражает благодарность за многолетнюю поддержку и научное консультирование всем коллегам, оказавшим помощь в подготовке данного исследования. Прежде всего, научному руководителю С.В. Захарову, а также участникам двух научно-учебных групп НИУ ВШЭ «Изучение рождаемости, формирования, развития и распада семей на данных выборочных обследований» и «Модели и методы анализа демографических последовательностей», в особенности: А.О. Макаренцевой, Д.И. Игнатову, Т.Н. Espy, О.В. Синявской, А.В. Артамоновой, А.А. Муратовой, Д.К. Гиздатуллину, С.С. Бирюковой и А.А. Долговой.

Также автор благодарит за рецензирование разных частей данной работы на разных стадиях ее подготовки коллег из российских и зарубежных университетов и научных центров: В.С. Магуна, А.В. Вишневого, М.С. Фабрикант, А.А. Авдеева, А. Blum, F. Billari, M. Mills, L. Sakkeus, A. Puur, L. Rahnu, P. Blanchard, R. Leu, L. Toulemon, E. Lelièvre, M. Bouchet-Valat, L. Moulin.

Использованная литература

1. Архангельский В.Н. Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 129–136.
2. Блюм А., Лефевр С., Себий П., Бадурашвили И., Ренье-Луалье А., Станкуниене В., Синявская О. Семья в четырех государствах: Франция, Грузия, Литва, Россия // Эволюция семьи в Европе: Восток-Запад / Под науч. ред. С.В. Захарова, Л.М. Прокофьевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2010. С. 11–41.
3. Блюм А., Себий П., Захаров С.В. Взросление во Франции и России: различия в перспективе поколений // Эволюция семьи в Европе: Восток-Запад/ Под науч. ред. С.В. Захарова, Л.М. Прокофьевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2010. С. 141–174.
4. Вильданова С.М., Граничная А.А., Мингалиева А.Р., Саляхиева Л.М. Тенденции распространения ценностей чайлдфри в России и их влияние на кризис института семьи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. Т. 3. № 139. С. 192–205.
5. Гимпельсон В.Е., Зудина А.А. Демографические проблемы рынка труда // Демоскоп Weekly. 2017. № 729–730.
6. Гладникова Е.В. Обзор подходов к исследованию частных межпоколенных трансфертов // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 5. С. 93–110.
7. Демографическая модернизация России, 1900-2000. / Под ред. А.Г. Вишневого. Москва: Новое издательство, 2006. 608 с.
8. Денисенко М.Б. Межпоколенные трансферты // Экономика народонаселения / Под ред. Ионцева В.А., Саградова А.А. М.: Инфра-М, 2007.
9. Денисенко М.Б., Козлов В.А. Межпоколенческие счета и демографический дивиденд в России // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 4. С. 6–35.
10. Долбик-Воробей Т. Студенческая молодежь о проблемах брака и рождаемости // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 78–83.
11. Захаров С.В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1 / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2007. С. 75–127.
12. Захаров С.В. Ценностно-нормативные «расписания» человеческой жизни: представления жителей разных стран о том, когда девушка становится взрослой // Россия в Европе. По материалам международного проекта «Европейское социальное исследование». М.: Academia, 2009. С. 347–379.
13. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. История и современность: Гендерный порядок в России // Гендер для «чайников». Москва: Звенья, 2008. С. 55–85.
14. Здравомыслова О.М., Шурыгина И.И. Выжить или преуспеть: представления старшеклассников о своих жизненных шансах // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. , 2001. С. 366–374.
15. Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018. 327 с.
16. Кокс Д.Р., Оукс Д. Анализ данных типа времени жизни. М.: Финансы и статистика, 1988. 190 с.

17. Константиновский Д.Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы–начало 2000-х). М.: Центр социального прогнозирования, 2008.
18. Лапето А., Терещенко О.В., Шавердо Т. Переход в самостоятельную жизнь: возрастные модели жизненных путей // Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение: Том II. Анализ результатов исследования «Поколения и гендер» / Под ред. О. Терещенко, Т. Кучера. Минск: Белсэнс, 2018. С. 14–22.
19. Лишаев С.А. Возраст в истории европейской философии (историческое введение в философию возраста) // *Mixtura verborum* 2014: жизнь в параллельных мирах. 2015. С. 172–200.
20. Луков В.А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2012. 527 с.
21. Магун В.С., Энговатов М.В. Динамика притязаний и изменение ресурсных стратегий молодежи: 1985-2005 годы // Отечественные записки. 2006. № 3. С. 76–96.
22. Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О молодежи. М.: Молодая гвардия, 1972.
23. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.
24. Миронова А.А. Родственная межпоколенная солидарность в России // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 136–142.
25. Ниворожкина Л.И. Статистические методы в управлении рисками: анализ данных о длительности состояний: учебно-методическое пособие. Ростов н/Д: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2015. 92 с.
26. Пресса Р. Народонаселение и его изучение: Демографический анализ. М.: Статистика, 1966. 444 с.
27. Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.
28. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: Проблемы становления личности. Москва: Мир, 1994. 320 с.
29. Рождественская Е.Ю. Социальный контракт в эпоху 90-х // ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2019. Т. 11. № 18. С. 55–79.
30. Чернова Ж.В. Специфика гендерных отношений молодых взрослых // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 118–127.
31. Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Проблемы трансформации демографических институтов: семья и брак // Социологический альманах. 2015. № 6. С. 151–165.
32. Alwin D.F. Integrating Varieties of Life Course Concepts // *Journals of Gerontology*. 2012. Т. 67. № 2. С. 206–220.
33. Arnett J.J. New Horizons in Research on Emerging and Young Adulthood // *Early Adulthood in a Family Context*. NY: Springer, 2012. С. 231–244.
34. Bengtson V.L., Achenbaum W.A. The Changing Contract Across Generations. New York: Transaction Publishers, 1993. 348 с.
35. Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Garden City, NY: First Anchor, 1966.
36. Billari F.C., Giuntella O., Stella L. Does broadband Internet affect fertility? // *Population Studies*. 2019. С. 1–20.
37. Billari F.C., Hagestad G.O., Liefbroer A.C., Spéder Z. The Timing of Life: The Organization of the Life Course in Europe // *The timing of life: The organisation of the life course in Europe*. London: European Social Survey, 2005.

38. Billari F.C., Liefbroer A.C. Should I Stay or Should I Go? The Impact of Age Norms on Leaving Home // *Demography*. 2007. № 1. C. 181.
39. Billari F.C., Liefbroer A.C. Towards a new pattern of transition to adulthood? // *Advances in Life Course Research*. 2010. T. 15. № 2. C. 59–75.
40. Buchmann M. *The script of life in modern society: entry into adulthood in a changing world*. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
41. Buchmann M.C., Kriesi I. Transition to Adulthood in Europe // *Annual Review of Sociology*. 2011. № 37. C. 481–503.
42. Cheal D.J. Intergenerational Family Transfers // *Journal of Marriage and Family*. 1983. T. 45. № 4. C. 805.
43. Ejrnas A., Boje T.P. *Family Policy and Welfare Regimes // Report 3: Labour Market and social Policies*. Aberdeen: University of Aberdeen, 2008.
44. Erikson E.H. *Identity: Youth and Crisis*. New York: W. W. Norton & Company, 1995. 336 c.
45. Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. NJ: Polity Press, 1990.
46. Esping-Andersen G. *Family formation and family dilemmas in contemporary Europe*. Bilbao, Spain: Fundacio'n BBVA, 2007. 289 c.
47. Frejka T., Zakharov S.V. Comprehensive analyses of fertility trends in the Russian Federation during the past half century // *Max Planck Institute for Demographic Research. Series «MPIDR Technical Report»*. No. WP2012-027. 2012.
48. Giddens A. *Living in a post-traditional society // Reflexive Modernization; Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Cambridge, UK: Polity Press; Blackwell, 1994. C. 56–109.
49. Hajnal J. European marriage patterns in perspective // Glass DV, Eversley DE, eds. *Population in history: essays in historical demography*. Chicago, Illinois: Aldine Publishing Company, 1965. C. 101–143.
50. Heinz W.R., Marshall V.W. *Social dynamics of the life course: transitions, institutions, and interrelations*. New York: Aldine de Gruyter, 2003. 306 c.
51. Hendry L., Kloep M. *Adolescence and Adulthood: Transitions and Transformations*. Houndmills, Basingstoke; New York, NY: Palgrave Macmillan, 2012. 216 c.
52. Huinink J. De-Standardisation or Changing Life Course Patterns? Transition to Adulthood from a Demographic Perspective // *The Demography of Europe*. Dordrecht: Springer Netherlands, 2013. C. 99–118.
53. Kaa D.J. van de. Europe's Second Demographic Transition // *Population Bulletin*. 1987. T. 42. C. 3–57.
54. Kiernan K. Cohabitation in Western Europe: trends, issues and implications // Booth, A. and Crouter, A. (eds.): *Just Living Together: implications of cohabitation on families, children and social policy*. New York: Lawrence Erlbaum Associates, 2002. C. 3–31.
55. L'allongement de la jeunesse. / (Eds.) A. Cavalli, O. Galland. Paris: Actes Sud, 1993.
56. Lesthaeghe R. The second demographic transition in Western countries: An interpretation // *Gender and family change in industrialized countries*. Oxford: Clarendon Press, 1995. C. 17–62.
57. Lesthaeghe R., Neels K. From the First to the Second Demographic Transition: An Interpretation of the Spatial Continuity of Demographic Innovation in France, Belgium and Switzerland *European // Journal of Population*. 2002. T. 18. № 4. C. 325–360.
58. Levy R. Why Look at Life Courses in an Interdisciplinary Perspective? // *Advances in Life Course Research*. 2005. T. 10. C. 3–32.

59. Levy R., Ghisletta P., Goff J.-M.L., Spini D., Widmer E. Incitations for Interdisciplinarity in Life Course Research // *Advances in Life Course Research*. 2005. T. 10. C. 361–391.
60. Liefbroer A.C. *From Youth to Adulthood: Understanding Changing Patterns of Family Formation from a Life Course Perspective* // *Population Issues*. The Netherlands: Springer, 1999. C. 53–85.
61. Mead M. *Culture and Commitment. A Study of the Generation Gap*. N.Y.: Natural History Press, 1970.
62. Mills M. The transformation of partnerships: Canada, the Netherlands, and the Russian Federation in the age of modernity // 2000.
63. Mills M. Stability and change: the structuration of partnership histories in Canada, the Netherlands, and the Russian Federation // *European Journal of Population/Revue européenne de Démographie*. 2004. T. 20. № 2. C. 141–175.
64. Potârcă G., Mills M., Lesnard L. Family Formation Trajectories in Romania, the Russian Federation and France: Towards the Second Demographic Transition? // *European Journal of Population / Revue européenne de Démographie*. 2013. T. 29. № 1. C. 69–101.
65. Puur A., Rahnu L., Maslauskaite A., Stankuniene V. Past and present patterns of family formation in Eastern Europe: Does Hajnal's delineation still matter? // *Filosofija Sociologija*. 2012a. № 23(4). C. 256–265.
66. Puur A., Rahnu L., Maslauskaite A., Stankuniene V., Zakharov S.V. Transformation of Partnership Formation in Eastern Europe: The Legacy of the Past Demographic Divide // *Journal of Comparative Family Studies*. 2012b. T. 43. № 3. C. 389–417.
67. Puur A., Sakkeus L., Põldma A., Herm A. Intergenerational family constellations in contemporary Europe: Evidence from the Generations and Gender Survey // *Demographic Research*. 2011. T. 25. C. 135–172.
68. Ronald R. Rindfuss. *The Young Adult Years: Diversity, Structural Change, and Fertility* // *Demography*. 1991. T. 28. № 4. C. 493.
69. Salyakhieva L.M., Saveleva Z.V. Childfree as a Social Phenomenon: Russians' Attitude to Voluntary Childlessness // *Tarih Kültür ve Sanat Araştırmaları Dergisi*. 2017. T. 6. № 4. C. 531–537.
70. Shoven J.B., Goda G.S. *Adjusting Government Policies for Age Inflation* // *Demography and the Economy*. Chicago, London: University of Chicago Press, 2011. C. 143–168.
71. Sloan F.A., Zhang H.H., Wang J. Upstream Intergenerational Transfers // *Southern Economic Journal*. 2002. T. 69. № 2. C. 363–380.
72. Sobotka T., Toulemon L. Changing family and partnership behaviour: Common trends and persistent diversity across Europe // *Demographic Research*. 2008. T. 19. C. 85–138.
73. Vogel J. European Welfare regimes and the transition to adulthood: A comparative and longitudinal perspective // *Social Indicators Research*. 2002. T. 59. C. 275–299.
74. Zakharov S. Russian Federation: From the first to second demographic transition // *Demographic Research*. 2008. T. 19. C. 907–972.
75. Zsolt S., Murinkó L., Settersten Jr. R.A. Are Conceptions of Adulthood Universal and Unisex? Ages and Social Markers in 25 European Countries // *Social Forces*. 2014. № 3. C. 873.